

УДК 321.011

О.О. Щербинина, аспирант*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СУВЕРЕНИТЕТ
ГОСУДАРСТВА**

Анализируются современные научные подходы к пониманию суверенитета в условиях глобализации. Рассматриваются государства в мировой политической системе, обладающие реальным суверенитетом.

Глобализация стала одним из важнейших процессов в мире, оказывающих значительное влияние на дальнейшие перспективы развития всего человечества. Этим термином (происходит от французского слова «global» — всеобщий) обозначается объективный процесс формирования, функционирования и развития принципиально новой всемирной системы отношений между странами и народами на основе углубляющейся взаимосвязи и взаимозависимости во всех сферах жизнедеятельности мирового сообщества.

В экономике нарастающая глобализация проявляется в росте международной торговли, в увеличении масштабов и темпов перемещения капиталов, создании и развитии транснациональных корпораций. Экономика каждой страны становится все более транснациональной и её функционирование все больше зависит от внешних факторов.

В мировом экономическом пространстве все более важную роль играют негосударственные транснациональные центры принятия стратегических экономических решений — транснациональные компании и банки, корпорации, международные инвестиционные фонды и т. п. Множество таких частных субъектов внедряются в сферу хозяйственной деятельности национальных правительств и вносят коррективы в их политику. В качестве новых факторов мирополитического процесса выступают и различные неправительственные международные организации, которые, как считается, в условиях глобализации все активнее «замещают» государства.

Начавшись во второй половине XX века, прежде всего, в экономической сфере глобализация к концу столетия вышла за пределы экономики, став сегодня во многом политической доминантой мирового развития.

С новым пониманием транснациональных процессов, места и роли государства в системе мировой политики связаны многочисленные дискуссии. При этом нередко считается общепризнанным, что в условиях глобализации государству все труднее сохранить свою независимость. Для поддержания конкурентоспособности в глобальном мире многим государствам приходится жертвовать определенной долей своего суверенитета. В свете этого особую значимость приобретает **проблема основного института политической власти — государственного суверенитета**, т.к. именно он по-прежнему считается ключевой категорией в понимании сущности государства, его основных содержательных аспектов. Главным, с точки зрения проблемы государственного суверенитета, следствием процессов глобализации является противоречие между нарастающей экономической и политической взаимозависимостью стран и народов, с одной стороны, и сохранением за государством права самостоятельно и по своему усмотрению решать собственные проблемы — с другой.

В аналитической литературе в последнее время заметна четкая тенденция переосмысления понятия «суверенитет» в том контексте, что процессы глобализации обесценивают и обесценивают само это понятие. Открытым также остается вопрос, действительно ли государство теряет значение основного политического актора в глобальном мире или происходит модификация суверенитета и государство продолжает и, главное, будет продолжать играть основную роль в мировом порядке. Не случайно именно в последнее время появились различные политические интерпретации последствий глобализации: «субсуверенность»; «ограниченный», «относительный», «функциональный», «невынужденный», «инклюзивный» суверенитет; «размывание и девальвация суверенитета»; «гуманитарное вмешательство», а в североамериканском политологическом дискурсе даже появилось понятие «perforated sovereignty», которое, не имея аналога в русском дискурсе, может быть переведено как «надкушенный суверенитет».

Научный анализ возникших и возникающих проблем имеет, прежде всего, практическое значение, т.к. без ясного понимания ключевых механизмов функционирования глобальной системы в XXI веке, факторов и направлений её эволюции невозможно выработать политику государства, адекватную новым реалиям. Имеющиеся на сегодняшний день научные понятия и модели неспособны описать и объяснить возникающие реалии. Видный французский ученый Пьер Аснер утверждает по этому поводу: «Мы находимся в периоде размытости: сейчас недостаточно сказать «государство», «суверенитет»,

«политика», чтобы оживить эти реалии. Но другого принципа, который бы их заменил, тоже нет» [1]. Сложность, новизна и незавершенность процессов, формирующих облик наступающего мира, не исчерпывает всех причин идущих сегодня споров. В них отражаются различные методологические установки и теоретические представления, а также экономические и политические интересы различных общественных групп, слоев и государств.

Среди ученых не существовало и не существует единства во взглядах на суверенитет, его роль в политической практике. Очевидно, что и сейчас научное сообщество находится в состоянии профессионального спора, подразделившись на тех, кто выступает за неприкосновенность традиционных представлений о суверенитете, и тех, кто считает необходимым пересмотреть общепринятые взгляды.

Рассмотрим мнения некоторых ученых. Например, одним из наиболее последовательных сторонников суверенности государства является американский политолог Майкл Уолцер. Согласно его взглядам, суверенитет проистекает из права народа на самоопределение. Таким образом, суверенитет как бы воплощает в себе историю народа, его культурные и социальные особенности. Основная задача государства состоит в том, чтобы сохранять и поддерживать политическое пространство, в котором происходит борьба интересов, разворачивается битва за свободу и права человека. М. Уолцер считает, что суверенитет нерушим именно по причине того, что внешние силы обязаны уважать политический процесс. Для автора вмешательство в дела суверенного государства допустимо лишь в виде ограниченной по времени, целям и средствам «справедливой войны». По мнению Дж. Доннелли, в глобализованном мире национальные суверенные государства продолжают оставаться основными субъектами мировой системы, а «государство должно преследовать свои собственные интересы и больше ничьи» [2].

Необходимо отметить, что уважение государственного суверенитета является краеугольным камнем Вестфальской системы мироустройства, согласно которой живет весь мир вот уже триста шестьдесят лет. Государственный суверенитет был закреплен Вестфалем в качестве системообразующего принципа миропорядка и в этом смысле ничего лучше Вестфальской системы, т.е. взаимодействия и развития государств на основе принципа суверенитета, пока придумано не было. Мысль, заложенная в основание этой европейской модели, заключалась не только в том, чтобы обеспечить незыблемость границ. Принцип суверенности был провозглашен в качестве гаранта независимого развития государства, наций, народов. Суверенитет государства стал необходимой «оболочкой», которая обеспечивает право на самоопределение всех его обитателей от посягательств извне, под каким бы предлогом они ни осуществлялись. Сейчас активными сторонниками «вестфальского» суверенитета традиционно являются слабые или распадающиеся государства, которые видят в нем гарантию невмешательства в их дела, даже если внутривнутриполитические процессы в них вызывают несогласие остальных стран.

Наряду с данным видением природы и характера суверенитета как важнейшего, сущностного признака современного государства, в научной литературе, особенно сейчас, в период глобализации, формируются и другие о нем представления. По мнению некоторых авторов, распространение «интегративных процессов на государства и вместе с этим повышение роли международного права, его приоритет перед национальными правовыми системами настоятельно требуют по-новому поставить вопрос о государственном суверенитете» [3, с.12]. При этом имеется в виду постановка вопроса об «исторической исчерпаемости» государственного суверенитета и постепенном его «размывании» в процессе интеграции национальных государств и правовых систем или же просто – отказ от суверенитета как «непременного признака государства» не только якобы противостоящего в настоящее время «суверенитету народа собственной страны», но и «мешающего глобальным, прогрессивным интеграционным процессам» [3]. Японский экономист К. Омае, например, утверждает, что в условиях глобализации национальное государство превращается «в ностальгическую функцию» [4]. По мнению В. Рейнеке, «глобализация бросает вызов суверенитету национального государства» [5].

Сторонниками такого видения суверенитета являются развитые передовые государства и, прежде всего США. Одним из активных сторонников отказа наций и государств от суверенитета является влиятельный американский политолог Збигнев Бжезинский. В своей статье «Последний суверен на распутье» он делает выводы, что «в наше время понятие суверенитета... для большинства государств это скорее юридическая фикция». Причина, по которой суверенитет является «юридической фикцией» в том, что рамки национального государства сегодня «слишком узки и не позволяют должным образом осуществлять шаги, в которых кровно заинтересована большая часть человечества» [6]. В тоже время обращает на себя внимание тот факт, что, объявляя идею суверенитета государства устаревшей, большинство представителей общественных наук и политики США, не замечают при этом, что сами Соединенные Штаты отнюдь не отказываются от своего суверенитета, а, наоборот, действуют таким образом, что усиливают его, причем за счет суверенитета многих других субъектов мировой политики.

Концепцию суверенитета, которая основывается на заключении, что современный мир ограничивает условия для государства быть полностью независимым в проявлении своей власти

высказывает также известный европейский государствовед Х. Дриер, который утверждает, что уже в XX веке рост взаимных обязательств приводит к бесполезности концепции суверенитета, он говорит о «потере монолитности суверенитета». С аналогичным, по сути, утверждением выступил профессор права Базельского университета Л. Вильдхабер, который полагает, что «суверенитет должен быть ослаблен потребностями взаимозависимости». Далее он подчеркивает: «Суверенитет является относительным понятием, изменчивым с течением времени, приспособляющимся к новой ситуации и новым потребностям» [7].

Идею размытия суверенитета поддерживают также такие известные западные публицисты как Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, Э. Тоффлер. Они обосновывают свои теории конструированием концепций стержневого, универсального и однородного государства, ускорением перемен в мире информации и других [8-10].

Довольно распространена в наше время теория, которая заключает, что развитие отношений между государствами, осуществляемое в основном через посредство международных договоров, приводит к такой системе взаимозависимости государств, подчинения их общему мировому правопорядку, что возникает противоречие между суверенитетом государства, с одной стороны, и международным правом – с другой. Согласно этой теории, суверенитет государств исчезает и переходит к сообществу государств. Данная теория является продолжением концепций Г. Краббе, Г. Ласки, Л. Дюги, Н. Политиса, согласно которым суверенитет предстает как устаревшая доктрина, исчерпавшая себя догма.

В последнее время появляется много научных трудов российских ученых о развитии государственного суверенитета в эпоху глобализации. И их число неуклонно растет, так как проблемы и противоречия в условиях глобализации становятся более насущными и злободневными. Глубокой научной разработкой для их эффективного практического разрешения занимаются В. Иноземцев, А. Уткин, А. Неклесса, А. Кустарев, А. Кокошин, Н. Пастухова и др.

Заслуживает внимания монография А. Кокошина «Реальный суверенитет в современной мирополитической системе», в которой дается системный анализ самого понятия суверенитет и предлагается концепция функционирования реального суверенитета в современном мире. Реальный суверенитет по Кокошину — это не формальное приложение к любому независимому государству. Реальный суверенитет это не только флаг, герб, гимн и посольства по всему миру. Суверенитет, как считает автор, обеспечивается возможностью проводить независимую внешнюю и внутреннюю политику, самостоятельно выстраивать систему международного партнерства и собственную экономическую стратегию, контролем национального государства над инфраструктурой страны, наличием глобальных национальных задач, развитой фундаментальной наукой и финансовой системой. Причем изменение геополитической, геоэкономической и геокультурной ситуации в мире меняет и основные механизмы достижения реального суверенитета.

Характер идущей научной дискуссии подтверждает насколько значительный разброс оценок и мнений относительно состояния суверенитета в современном мире существует. Из сказанного выше также понятно, что в настоящее время государства по-прежнему остаются высшей единицей исторической и политической жизни, а современные процессы глобализации достаточно усложняют, но все же не отменяют самого принципа суверенного государства. На фоне теоретических споров возникают важные практические вопросы: сколько в современном мире действительно суверенных государств и какие это государства; насколько они суверенны и каков критерий суверенности?

Целью данной статьи является анализ современной мирополитической системы с точки зрения состояния реального суверенитета государств.

Итак, по данным ООН в мире насчитывается 192 суверенных государства, но, конечно, большинство из них не являются государствами в полном смысле этого слова. И это не только современный феномен. Никогда в истории не было «суверенитета для всех». И во времена Вестфальской системы, и в эпохи Версальского мира, Парижской, Берлинской и Ялтинской конференций несколько великих держав, обладавших реальным суверенитетом, решали проблемы суверенитетов других государств. Так было практически на протяжении всей мировой истории, только меньшинство стран могут обладать самой возможностью иметь суверенитет, не формально-юридический, а сущностный, реальный, который означает способность государства на деле (а не декларативно) самостоятельно проводить свою внутреннюю, внешнюю и оборонную политику.

На самом деле реальным суверенитетом в XXI в. Обладает сравнительно небольшое число стран. Как ни странно это звучит, но наибольший суверенитет сегодня имеют государства, идеологически (Китай) и экономически закрытые, вроде Северной Кореи, Кубы. Хотя и у них он начинает сокращаться. Что же касается достаточно открытых и развитых стран, то тенденция к делегированию своих полномочий у них совершенно очевидна. Исключение составляют только США, которые позволяют себе порой идти вопреки мнению многих стран, открыто ставят национальные интересы выше мировых и союзнических. З.Бжезинский утверждает, что США в современном мире – единственное полностью суверенное и демократическое государство. По его мнению «Сегодня Америка – самая суверенная

страна в мире» [6]. «Особое преимущество мирового положения США состоит в том, – полагает российский исследователь В.В.Соколов, – что в силу своей экономической, политической и военной мощи они являются единственным государством, которое может себе позволить не приспособливаться к мировому сообществу, а приспособлять это сообщество к себе. Гигантская сверхдержава поэтому сегодня способна одновременно извлекать выгоду как из всемирных процессов глобализации, так и из использования инструментов национально-государственной политики, которые она может применять исключительно по своему усмотрению» [11, с. 123].

Безусловно, США – не просто самое мощное государство по всем объективным, измеряемым параметрам мощи, но и страна, владеющая стратегической инициативой в мировой политике, стремящаяся реализовать все преимущества победителя в «холодной войне». США умело используют возможности, которые предоставляет современная система мировой политики, при этом во многом формируя эти возможности, в том числе путем концептуализации и категоризации мировых социально-политических и мироэкономических процессов. США выступают лидером экономических, информационных, социокультурных и политических процессов глобализации. Пришедшая в начале XXI в. к власти Республиканская администрация Дж.Буша-мл., провозгласила решительный отказ от ограничения суверенитета США в важнейших для всего международного сообщества вопросах. Это касается защиты окружающей среды, борьбы с распространением бактериологического оружия, ограничения роли ядерного оружия и обеспечения стратегической стабильности и пр. Уже на протяжении длительного времени США декларируют свои особые права по обеспечению «энергетической безопасности» западного мира, на что ориентирована в своих задачах значительная часть вооруженных сил США. Такие действия свидетельствуют о политике укрепления Соединенными Штатами своего суверенитета, в том числе и с выходом в ряде случаев за пределы международно-правового поля. Вместе с тем эта держава, как и ряд других ее западных союзников, продолжает предпринимать шаги, направленные на то, чтобы использовать процесс глобализации для ограничения реального суверенитета многих других государств.

Активно в глобализационные процессы включаются и государства, которые способны в обозримой перспективе бросить вызов Соединенным Штатам – Китай и Индия. Эти два государства, добившиеся впечатляющих успехов в экономическом развитии, стремятся не утратить свою национально-государственную идентичность, уверенно и активно отстаивают свой суверенитет в мировой политике, в том числе за счет развития независимых вооруженных сил, включая силы и средства ядерного сдерживания, стремления создать собственную оборонную промышленность, огромных усилий по развитию современной прикладной и фундаментальной науки. Оба государства не связывают себя с другими субъектами мировой политики союзническими обязательствами, которые ограничили бы их свободу действий. Заметно возросла роль этих государств в мировой политике. Совершенно очевидно, что Китай претендует на роль «второй сверхдержавы. Китай можно отнести к наиболее успешным адептам глобализации среди развивающихся и так называемых переходных стран. Согласно ряду прогнозов, к 2040–2050 годам на долю Китая придется 14–16 % мирового ВВП. Китайскому руководству удалось четко провести различие между реальным содержанием процессов глобализации и их политико-идеологическим сопровождением. Китайская власть не спешила с деполитизацией и деидеологизацией страны, при этом она модернизировала устоявшиеся в обществе ценности ориентиров. Это облегчило приспособление Китая к новым мировым тенденциям. Поэтому достижения и нынешнее положение Китая правомерно рассматривать в качестве примера эффективности жесткой государственной политики, функционального и исторически преемственного подхода к проблемам сохранения своего суверенитета. Стремительный прорыв в высшую лигу мировых держав совершает Индия. За последние 10 лет ее экономика росла в среднем на 8 % в год, причем этот рост, который обеспечивается за счет преимущественно внутренних, а не иностранных инвестиций, считается более стабильным и здоровым, чем в Китае. Индия превращается в один из двигателей мирового технологического прогресса, а через 20–30 лет она, согласно прогнозам, станет третьей мировой державой после США и Китая. Конечно, Индия и Китай остаются относительно слаборазвитыми странами с огромными массами населения, живущими в нищете. Но там уже нет голода, как это было еще 5–10 лет назад, что придает большую стабильность этим странам, особенно Индии, которая представляет собой вполне устойчивую демократию.

Стремление к восстановлению своего реального суверенитета в последние годы демонстрирует и Япония. Как государство, не обладающее после поражения во Второй мировой войне реальным суверенитетом, она предпринимает все более серьезные попытки обрести его. Это выражается в действиях, ориентированных на отход от «политики самообороны», закрепленной в конституции Японии (статья 9). В последние годы, впервые за всю послевоенную историю, в японской политической элите начали открыто говорить о приобретении страной собственного ядерного оружия. Продолжается рост военных расходов Японии. Однако достижение реального суверенитета остается проблемой для этого государства.

В меньших масштабах и с более скромными результатами пытается обрести реальный суверенитет и крупнейшая страна Латинской Америки – Бразилия. В первом десятилетии XXI в. правительство предприняло дальнейшие шаги по отстаиванию регионального лидерства Бразилии и лидерства среди развивающихся стран. В политике руководства страны отчетливо обозначилось стремление позиционировать Бразилию как «противовес» богатым странам, в особенности США.

Своеобразными являются методы обеспечения суверенитета, применяемые странами, входящими в ОПЕК. Эта организация была создана в 1960 г. В нее вошли 11 стран: Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Кувейт, Катар, ОАЭ, Ливия, Алжир, Нигерия, Индонезия и Венесуэла. Главной причиной ее возникновения считают стремление данных нефтедобывающих стран обеспечить свои интересы перед лицом международного картеля западных частных нефтяных компаний. В последние годы страны ОПЕК подвергаются нажиму со стороны частных транснациональных компаний тех стран, которые имеют общие с этими ТНК интересы. Отстаивая свой суверенитет, страны ОПЕК в большинстве случаев успешно сопротивляются такому нажиму, в силу чего сфера деятельности западных ТНК в международной энергетической сфере за последнее время не расширилась.

Оплотом социализма остается сегодня КНДР. В лице КНДР мы имеем государство с патриотически настроенным населением, с хорошо технически оснащенной армией и руководством страны, которое знает, чего хочет и добивается поставленных целей. КНДР имеет четвертую по величине армию мира (после Китая, США и Индии) и тратит на военные нужды более трети своего валового внутреннего продукта. Существующий в Северной Корее общественно-политический строй стал объектом ненависти США. Американская администрация причислила КНДР к "оси зла" и даже заявила о возможности нанесения по стране превентивного ядерного удара. В ответ Северная Корея продемонстрировала всему миру уровень своего вооружения и то, что в современном мире только обладание ядерным оружием гарантирует сохранение национального суверенитета. КНДР на наших глазах обретает то, что можно назвать "ядерным" суверенитетом. "Ядерный" суверенитет – это, конечно, форма архаичного суверенитета, обитающего в формате могущества и силы. Если в середине прошлого XX века "ядерный" суверенитет был уделом избранных, то в XXI веке "ядерный" суверенитет становится достоянием многих государств мира. Ситуация с Северной Кореей является одним из примеров беспомощности международного сообщества в деле предотвращения распространения оружия массового уничтожения. Это еще раз доказывает, что все государства действуют исходя из своих собственных интересов, в данном случае – интереса обеспечить свою безопасность.

В современной мирополитической системе есть яркие примеры того, как сравнительно небольшие государства умело и эффективно борются за свой реальный суверенитет. Например, Швейцария. Она сумела отстоять свою независимую банковскую систему и швейцарский франк как авторитетную валюту, несмотря на попытки западных банков подорвать их. Обеспечению реального суверенитета Швейцарии в немалой степени способствуют ее система обороны, самостоятельные вооруженные силы с ярко выраженной национальной спецификой и с высоким уровнем технической оснащенности, а также подготовленные военные кадры.

За первые годы XXI столетия в полноценного участника глобальной политики превратилась Россия. А. Кокошин считает, что «У России, с её тысячелетней традицией государственности, выдающимися по всем историческим меркам достижениями в отстаивании национальной независимости и территориальной целостности, более чем достаточно предпосылок для обеспечения своего реального суверенитета» [12, с. 89]. В последние годы страна сделала ряд важных шагов в обеспечении реального суверенитета. Восстановлен суверенитет России в Чеченской республике и пресечены сепаратистские действия в других регионах России. Приведено в соответствие с Конституцией России законодательство ряда субъектов федерации. Была сокращена внешняя задолженность. Удалось обеспечить разноректорность российской внешней политики, налаживание взаимовыгодного сотрудничества с ведущими государствами мира. Приняты меры по укреплению обороноспособности страны, в том числе ядерного сдерживания, по развитию космической системы обороны государства. Решаются задачи преодоления масштабной зависимости экономики от экспорта сырья. Намечаются проекты по развитию высокотехнологичной промышленности. Начинают использоваться позиции «энергетической сверхдержавы» в поставках энергоносителей в страны ЕС, Японию, Китай, Индию. Приобретение статуса современной великой державы невозможно без создания демократической политической системы. Политическое руководство страны во главе с президентом В.В. Путиным считает, что демократия – это то, посредством чего в современном мире можно создавать и защищать долгосрочный жизнеспособный суверенитет. Суверенная демократия – первая со времен распада СССР формула создаваемой в России политической системы, произнесенная от имени верховной власти. Реальный суверенитет и суверенная демократия – два столпа политического и экономического развития России для обеспечения её достойного места в международном сообществе. Понятно, что в укреплении реального суверенитета Россия сталкивается во внешнем мире с активным противодействием сил, не заинтересованных в том, чтобы она выступала на мировой арене как самостоятельный «центр силы».

Примером ограничения суверенитета стран является Европейский Союз, в котором роль лидеров играют Германия, Франция и Великобритания (две последних страны обладают статусом ядерных держав). Наряду с США, страны-лидеры ЕС составляют группу самых влиятельных государств мира. На примере Европы видно, что региональная политическая интеграция является одним из реальных политических процессов, происходящих в современном мире. Изучение европейского опыта интеграции важно для всего мира, в котором зреет противоречие между суверенитетом государств и транснационализацией проблем, стоящих между ними. С другой стороны – европейский опыт демонстрирует и те проблемы, которые придется решать при создании наднациональных институтов управления.

Европейский Союз – это политическое сообщество с одновременно выраженными межправительственными и наднациональными чертами. Хотя в нем и предусмотрены некоторые механизмы, охраняющие национальный суверенитет (решения по поводу того, какие проблемы могут решаться большинством голосов, сами должны приниматься единогласно), но может быть принята и такая политическая линия, с которой те или иные правительства не согласны. Это означает, что суверенитет в пределах Союза четко ограничен и всякого рода концепции, трактующие суверенитет как неделимую, неограниченную, исключительную и бессрочную форму публичной власти, воплощенную в пределах отдельного государства уже становятся не актуальными.

В рамках ЕС стремление защитить свой суверенитет особенно характерно для Франции с ее богатейшими традициями государства-нации, единым пониманием элитой и обществом национального интереса. В современных условиях конкурентоспособность нации и ее реальный суверенитет обеспечивают прежде всего стратегические отрасли. Характерно, что Франция в условиях активного сопротивления англосаксонских государств сумела отстоять свое право иметь широкий спектр национальной наукоемкой промышленности – атомной, авиационной, ракетно-космической, электронной и др. Провал проекта Конституционного договора для Европы на референдумах во Франции и Нидерландах (май – июнь 2005-го) является свидетельством неполадок в механизме согласования и защиты интересов суверенных стран-членов.

Одновременно мы видим, что в мире XXI века подавляющее большинство государств не борется за свой суверенитет, а напротив, сознательно передает его либо США (таковы страны ЦВЕ, Балтии, Грузии, Украина и др.), либо наднациональным структурам (Германия, Бенилюкс, Португалия, Испания и др.).

Из сказанного выше следует, что глобализация представляет собой объективный и закономерный процесс, ее нельзя ни отменить, ни обратить вспять, поэтому в ближайшее время государство как институт будет находиться в состоянии кризиса. Процесс глобализации способствует ограничению суверенитета государства и изменению его властных полномочий, хотя государство продолжает оставаться основным актором на мировой политической арене. Реальным суверенитетом сегодня обладает сравнительно небольшое число государств, но он продолжает играть очень важную роль в международных отношениях XXI века и, в заключение хочется ещё добавить, что, несмотря на переосмысление данного понятия в настоящее время для большинства людей, живущих на нашей Планете, категория «суверенитет» и «суверенное государство» пока являются священными.

Библиографический список

1. Пьер Аснер. Насилие и мир. От глобальной бомбы до этнической чистки / Аснер Пьер. — С-Пб.: Всемирное слово, 1999. — С. 331–332.
2. Donnelly J. Realism and International relations / J. Donnelly. — Cambridge, 2000. — P. 12.
3. Явич Л.С. О философии права на XXI век / Л.С. Явич // Правоведение. — 2000. — № 4.
4. Ohmae K. The End of the nation State / K. Ohmae. — London, 1998. — P. 12.
5. Reinicke W.H. Global public Policy / W.H. Reinicke // Foreign affairs. — Washington, 1997. — V. 76. — № 6. — P. 129.
6. Збигнев Бжезинский “Последний суверен на распутье” / Бжезинский Збигнев // Россия в глобальной политике. — 2006. — № 1. — Январь–февраль.
7. Wildhaber L. Sovereignty and International Law / L. Wildhaber // R.St.J. Macdonald and Douglas M. Johnston, eds. The Structure and Process of International Law: Essays in Legal Philosophy, Doctrine and Theory. — Dordrecht, Netherlands: Nijhoff, 1986. — P. 440–441.
8. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер / Пер. с англ. — М.: ООО "Изд-во АСТ", 2003. — С. 158–174.
9. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. — М.: ООО "Изд-во АСТ", 2004. — С. 306–338.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: ООО "Изд-во АСТ", 2003. — С. 210–251.
11. Соколов В. Снова в Средневековье? / В. Соколов // МЭиМО. — 2000. — № 2.
12. Суверенитет. Сборник / Сост.: Н. Гараджа. — М.: Изд-во «Европа», 2006. — 304 с.

Поступила в редакцию 30.04.2008 г.